

**НИНА
ВАСИНА**

Невеста и Чуговище

детектив
не для всех

Нина Васина

Невеста и Чудовище

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171653
Васина Нина Невеста и Чудовище: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29282-0

Аннотация

У шестнадцатилетней Лилит по кличке Текила и ее бойфренда Байрона – все необычное! И имена, и увлечение – на досуге продвинутые «детшки» занимаются хакерством, – и родители. У Текилы папа был разведчиком. Он погиб, когда дочери исполнилось три года. А вот отец Байрона, тоже шпион, оказался жив и пару лет назад внезапно появился в его жизни... В конце октября удача изменила юным хакерам – их накрыло ФСБ. В тот же судьбоносный день Текила поняла, что беременна. С ФСБ все обошлось: талантливым ребятам ничего не смогли предъявить. Байрон познакомил свою невесту с отцом... В результате Текила поселилась на их даче. Именно там ей стала являться девочка в белом платье и в красных туфельках. И вот странность, ее видят только Лилит и старый сторож. Текила понимает: девочка-видение явно чего-то от нее хочет, но еще не знает, что ей предстоит вернуться в тот октябрьский день, чтобы изменить свою судьбу и судьбу еще не родившегося ребенка...

Содержание

Пролог	4
Текила	6
Байрон	35
Жертва	47
Мамавера	51
Лилит	55
Вениамин Бирс	63
Лизавета	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Нина Васина

Невеста и Чудовище

Пролог

*Если кто-нибудь томится
страстью или искушеньем —
может быстро охладиться,
отдыхая без движенья.*

*Если кто любить не может,
но изгладан весь тоскою, —
сам себе теперь поможет,
тихо плавая с доскою.*

Н. Заболоцкий. «Купальщички»

В Японии есть Книга китов. Раз в год на торжественном ритуале уполномоченный японец раскрывает эту книгу и зачитывает имена китов, убитых японцами. Со второй половины семнадцатого века каждому убитому киту они давали имя и выбивали его на камне, потом завели книгу. Уполномоченный японец, осторожно перелистывая древние страницы, громко и торжественно зачитывает множество имен китов, употребленных человечеством для еды, лекарств, косметики, освещения помещений, корсетных креплений и так далее — японцы старались не оставлять отходов и использовали все, из чего кит состоит.

Отдавая таким образом дань уважения самому крупному млекопитающему на планете, японцы нисколько не винились, в их ритуале больше гордости за существование рядом с исполинами, которых они смогли убить и съесть, чем сожаления.

Неизвестно, знал ли о Книге китов тульский маньяк Овчар, заведя свою тетрадку с именами людей, мясо которых попробовал. При задержании в 1989 году он был ранен и жестоко избит, но, проведя в беспамятстве всего одну ночь в изоляторе, чудесным образом залечился, а санитары доложили, что Овчар повторял женские и мужские имена, пока бред не прекратился и он не очнулся, миновав кризис. Что интересно – после выздоровления Овчар с гордостью заявил следователю, что это души и кровь убиенных им и съеденных помогли ему выжить. Санитары же уверяли, что Овчар – настоящий оборотень, потому и раны его зажили как на собаке. В дальнейшем в специзоляторе Овчар вел себя обособленно, явно сторонясь душегубов, не осознающих могущества своих мертвых жертв.

Узнав о Книге китов, Текила представила себе единение природы (зверя) и человека как обмен душами в момент убийства их друг другом, и перед нею возникла идиллическая картинка бесконечной воды, в которой киты и японцы плывут рядом. Она как раз заперлась в ванной, чтобы...

Текила

Я заперлась в ванной, чтобы остричь волосы. Волосы сопротивлялись – выскальзывали из ножниц, а в дверь стучала мама. Она говорила о магнитных бурях, коротком световом дне, нехватке солнечного света и психиатре. В такой нервной обстановке приличного ежика не получилось. Выравнивать было некогда, я занялась разведением краски в стаканчике для зубных щеток. За дверью стало тихо, краски мне понадобилось всего ничего. Когда я открыла дверь с липкой массой на голове, мама сидела в коридоре на полу и смотрела на меня снизу. Я на всякий случай предупредила, просто озвучив ее вымышленные страхи:

– Перестань орать, не то порежу вены.

Мама встала, побрела за мной в кухню, монотонно разъясняя, что самоубийцы редко красят волосы перед... этим самым. Остричься в разных местах – это да, а вот развести краску, намазаться и выждать потом полчаса...

– Это больше похоже на успокоительное действие, – разъяснила она, внимательно отслеживая процесс приготовления мною трехслойного бутерброда.

Дождавшись, когда я широко распахну рот перед первым куском, она пошла в ванную и скоро вернулась со своей зубной щеткой, демонстрируя ее черную щетину.

– Ну убей меня чайником, – предложила я с полным ртом.

Мама подошла близко и мазнула зубной щеткой по моей щеке. Я отталкивала ее руку и уворачивалась, стараясь не подавиться и спасти бутерброд от остатков краски на щетинке.

– Почему ты своей щеткой не красилась?! Почему моей?.. – она завелась не на шутку, глаза потемнели, испуг в них испарился от колбасного духа.

Мы потолкались в кухне у подоконника. Потом мама села за стол, взяла сухарик, посмотрела на меня оценивающе и спросила:

– Можно забрать твои волосы? Те, которые на полу.

Я опять чуть не подавилась.

– Зачем это?

– Соберу в холщовый мешочек, сделаю себе маленькую подушечку. Буду их нюхать вечером, когда метро уже закрылось и тебя может изнасиловать какой-нибудь частник. – Она подняла глаза на часы: – Сейчас половина десятого. Куда ты собираешься ночью с такой прической?

Я тоже посмотрела на часы, подумала и разрешила:

– Бери.

И пошла в ванную промывать волосы.

В раковину потекла темная вода с моей головы, я косилась на пол, на желтые пряди. Потом представила хруст волос в холщовом мешочке и толстого потного частника – почему-то рыжего, лет сорока – и содрогнулась от покрывших меня мурашек.

А в зеркале над раковиной возник ужасик с темными остатками волос и черной полосой на щеке. Еле отмыла эту полосу.

* * *

Байрон ждал меня у подъезда в отцовской «Тойоте». Я как следует замаскировалась – черные очки, черные губы в стиле эмо, кепка с козырьком, драные джинсы и шикарная кожаная куртка Мерилин с цепочками и заклепками.

– Сними кепку, – заподозрил неладное Байрон.

Я сняла. Я всегда его слушаюсь, это совершенно неразрешимая загадка моего организма.

– Текила, ты остригла волосы? – подозрительно тихим и спокойным голосом спросил он.

– Остригла. Для конспирации, – стараюсь не смотреть на него, но боковым зрением замечаю многозначительный кивок. И вдруг он выдает:

– Где они? Где твои волосы, я хочу их забрать.

Я растерянно заметалась глазами по салону.

– Это не получится. Их взяла мама. Она сделает из них подушку. Маленькую... – уточняю я неуверенно, все еще опасаясь смотреть на Байрона.

– Подушку?.. – прошептал он с ужасом.

– Да. Это защита такая от предполагаемых насильников в автомобилях.

Он опять кивнул.

– А твои остриженные ногти мама не собирает? Чтобы сжечь их в полнолуние на болоте.

– У меня нет ногтей. Я их грызу.

– А на ногах? – не может успокоиться Байрон.

– Поехали уже, – попросила я жалобно.

И мы подкатили к «Чугунке» через полчаса полной тишины. Я осмотрела территорию вокруг. Кучка байкеров у мотоциклов, несколько дорогих иномарок, старый «Москвич».

– На чем ездит наш дядечка, как думаешь? – спросила я.

– Он живет в этом же здании, по делам ездит на такси или нанимает машину с шофером. Прописан в другом месте, у жены – «Ниссан», у дочки «Рено», у собаки прислуга для выгула. Я потаскался за ним полтора дня. Примерным семьянином его не назовешь, потому как ночевал он над «Чугункой», практически на рабочем месте – он совладелец клуба. Два часа назад сел в самолет на Варшаву. Готова?

«Чугунка» светилась и гремела музыкой. У входа два охранника отсортировывали случайных людей.

Я вышла из машины. Запрятала кепку в карман. Сняла очки, взъерошила черное непотребство на голове, прилепила над верхней губой металлическую каплю. Байрон посмотрел на меня снизу и одобрил кивком.

– Я отгоню машину, как договорились. Войду в клуб через десять минут после тебя. Поднимусь в бар. Если что, сигналю на мобильник. Зачем ты остригла волосы?

– Столько камер я нигде больше не замечала. Я должна быть как все.

– Текила... – он замялся. – Деньги, конечно, большие, но если ничего не получится...

– Получится.

– Заказчики так засекретились, что ясно – им до нас нет никакого дела. Они уверены – через нас на них никогда не выйти. Если не получится, уходи гордо – на тебе ничего нет, кроме мобильника.

Я вошла в клуб, нацепила кепку, выпила в баре сок, посмотрела на беснующийся народ, на диджея Кита и пошла в туалет. Все это – с низко опущенной головой. В туалете одна девушка блевала, а другая с черными подтеками под глазами сидела на полу у стены в полной отключке. Я залезла на подоконник, открыла вверху узкую форточку. Пришлось повозиться с механизмом, чтобы створка опустилась. Пролезала я на улицу ногами вперед. Стоя на наружном откосе, посмотрела вниз: не выше второго этажа, но если грохнуться, будет больно. Держась за открытую створку одной рукой, другой дотянулась до нижней ступеньки пожарной лестницы сбоку, всего-то и делов.

По лестнице поднялась до пятого этажа. Вот он – критический момент. Закрыли или нет форточку в таком же туалете на пятом этаже? Повезло. Приоткрыта. Нащупываю ручку изнутри и открываю. Пролезая в узкое пространство, я вос-

хитилась строением своего черепа – он сплюснут у висков. Что при моем маленьком весе дает неоспоримые преимущества перед другими форточниками. Что для нас, форточников, главное, – уговариваю я себя, обдирая голову, – главное, чтобы башка пролезла... вот так... и все дела.

Осматриваю унитаз, биде и душевую кабинку. Совмещенный санузел, так сказать. Раздражающе чисто. Бритвенный прибор на полочке у зеркала. Сухое мыло в мыльнице. Прислушиваюсь у двери, открываю ее и тихонько выхожу в коридор небольшой квартиры. Кухня и спальня в одной комнате, прихожая отсутствует – несколько вешалок на стене коридора. Слабая подсветка под потолком в трех местах. Осматриваю шкафы. Пара костюмов, несколько рубашек, две коробки с обувью. На почти пустых полках обнаружилась упаковка презервативов, пачка жевательной резинки. Да уж. Уважающим себя форточникам тут, собственно, и делать нечего. Это логово явно не предназначено для постоянного проживания. В холодильнике – набор бутылок со спиртным. На стене – две головы. Кабана и оленя. Осматриваю стол, компьютер. Выдвигаю ящики рабочего стола. Аккуратно сложенная бумага, пустые папки. Ни одной фотографии, ни одной женской вещи. Включаю технику. Заставка на экране – немолодой мужчина с собакой, ружьем и убоинкой в траве. Улыбается. Пытаюсь войти в систему – «наберите пароль». Определяющий момент. Осматриваюсь тоскливо еще раз и звоню Байрону.

– Он здесь не живет, ничего не получится, – говорю я в

трубку, разглядывая большой диван и пол под ним. – Чисто. Пусто. Даже под диваном нет пыли. Не за что зацепиться. Нет еды, ни одной фотографии, ни одного грязного предмета. Я – пас.

– Значит, тут у него что-то вроде рабочего офиса, – бормочет Байрон в трубку.

Я его плохо слышу – музыка грохочет. Он уже в клубе.

– Что я, офисов не посещала? Там найти ключевое слово легче, чем в квартире. Будем вскрывать?

– А записная книжка? – Байрон не теряет надежды отделиться по-быстрому.

– Отсутствует.

– Газеты, журналы, реклама?

– Ничего.

– Что-то странное или необычное?

Я задумчиво снизу изучаю мощный волосатый подбородок дикого кабана.

– Трофейные головы животных на стене. Кабан и олень.

– Вот видишь! – обрадовался Байрон. – Уже два варианта.

– Не думаю. Нормальный мужик скорее назначит паролем место, где получил незабываемый кайф от такого убийства.

Есть одна фотография. – Я сажусь к компьютеру. – Заставка на экране. Мне нужно... – Я задумываюсь. – Мне нужна кличка его собаки. Точно. Охотничья собака. Рыжий сеттер.

– Перезвоню через минуту.

– Он уже на связи, да? Твой заказчик?

– Не нервничай, – строго приказал Байрон и отключился.

Я сидела тихо, не двигаясь. Думала, как можно назвать такого великолепного ирландского сеттера. Мама против собак и кошек в доме. «Никто не смеет навязывать мне условия существования, – так, кажется, она выразилась, рассматривая серого котенка, которого я принесла в десять лет. – Никогда не буду использовать животных как игрушки или средство от одиночества и тебе не разрешу».

В кармане куртки завибрировал телефон.

– Клёпка, – сказал в трубку Байрон.

– Не может быть, – я с сомнением посмотрела на заставку. Такая шикарная сука должна иметь царское имя.

– Точно. Клёпка. Зарегистрирована. По паспорту – Клеопатра.

– Это другое дело, – сказала я и набрала девять букв.

Дальше все было просто: коды доступа – перекачка – подтверждение – выход из системы – ванная комната – форточка – лестница – туалет внизу – бар – текила.

– Текила? А сколько тебе лет, девочка? – это бармен.

– Пошел ты!

* * *

В машине меня стало тошнить. На Байрона, как всегда после дела, накатила эйфория.

– Мы никогда столько не отгребали. На что потратишь

деньги?

– Не знаю. Открой форточку, – я задыхалась.

– Ты чего? – Он присмотрелся. – Чего такая бледная?

Я вышла на мокрый асфальт. В мире явно что-то изменилось.

– Байрон, сейчас у нас что? – спросила я, задрав голову вверх.

– Сейчас у нас ночь, пятница на исходе, двадцать три часа, сорок три минуты.

– А в природе?

– А в природе у нас октябрь. Залезай в машину, простудишься.

* * *

Час ночи. Если точно – ноль один час, ноль семь минут. Я стою у разложенного дивана. Мама запойно спит. На тумбочке – стакан с водой и пустая оболочка от какого-то порошка.

– Мам! Мамавера!

Она пошевелилась. Если это было снотворное, будить бесполезно. Я наклоняюсь и осторожно тащу к себе серый мешочек из-под ее подушки.

– Не трогай, – сонно приказывает она, не открывая глаз.

– Это что, мои волосы?

– Не трогай. Ты выбросила, а я подобрала. Что случи-

лось? – она садится и смотрит на часы в телефоне рядом со стаканом. Потом закрывает глаза. – Как добралась?

– Байрон подвез.

– Есть хочешь?

– Нет. Мам, я...

– У тебя ломка?

– С ума сошла? Какая ломка?!

– Ты трезвая?

– Трезвая. Я лучше пойду. Спи дальше.

– Если ты трезвая и не в ломке, почему не спишь?

– Спросить хотела. Мой отец, он...

Мама тут же меня перебивает – реакция на кодовое слово «отец» – и с монотонностью магнитофонной записи выдает бесстрастно:

– Был разведчиком, погиб при исполнении, награжден посмертно. Тебе тогда было три года, ты ничего не помнишь.

– Это я уже слышала. Есть что-нибудь новенькое?

Она удивилась, открыла глаза и нащупала мою руку.

– В каком смысле – новенькое?

– Например... – я сажусь к ней на краешек дивана, – какое у него было задание и как он умер.

– С чего вдруг такой интерес? – прищурилась мама и провела рукой по остаткам волос на моей голове.

– Сегодня что-то изменилось в мире. Я подумала...

– Ты раньше никогда не интересовалась подробностями.

– Я была уверена, что это такая отмазка. Летчик, развед-

чик... В доме всего одна фотография подозрительного мужчины во фраке. Никаких семейных снимков, никаких документов о нем. А тут вдруг я подумала, что это может быть правдой.

– Конечно, правда! – с непогрешимой честностью в глазах возмутилась мама. – Он выполнил задание, но был убит из-за контрабанды. Его контора решила дело потихоньку прикрыть и наградить отца посмертно.

Я вздохнула и прилегла к ней. Мама укрыла меня одеялом.

– Наркотики? – спросила я, зевая.

– Что? – вздрогнула она.

– Контрабанда наркотиков?

– Ничего подобного. Он выкопал в тропиках Юго-Восточной Азии какую-то лиану... Нет, подожди, не лиану, а орхидею. Редкую орхидею, внесенную в Красную книгу. И пытался вывезти ее в Англию. Его убили в гостинице аэропорта и украли колбу с цветком. Больше ничего не пропало, представляешь, все шпионские микропленки на месте, а человек погиб из-за цветка. Говорят, это был последний экземпляр, больше такого никто не встречал.

– Красиво, – киваю я. – Я что-то подобное читала. Покупаешь женские романы?

– Могу точно сказать! – взволновалась Мамавера. – Ее название переводилось как «красная вагина».

– Мама!..

– Это правда. Можешь посмотреть в справочнике.

Мне стало зябко. Не то чтобы моя Примавэра никогда не сочиняла, но она никогда раньше не ссылалась на достоверные факты. Факту существования орхидеи с таким названием, конечно, легко найти подтверждение, я несколько не сомневаюсь. Просто раньше, когда Примавэра использовала... скажем так, некоторые условности и приближения к реальности, она любой ценой избегала фактов. «Не помню, забыла, это сложно подтвердить» и тому подобное.

Я задумалась.

– Он что, на своих шпионских заданиях искал редкие виды орхидей и потом нелегально их вывозил?

– Понятия не имею. Мне намекнули в его ведомстве, что он имел пристрастие к подобного рода времяпрепровождению. Он... как бы это объяснить, любил пускать пыль в глаза. Особенно женщинам.

– Тебе дарил?

– Никогда. Орхидея – это почти животное. Некоторые виды питаются насекомыми. Ты знаешь, как я отношусь к животным в доме. А вот тебе собирался ее подарить.

– Не думаю, что в три года я могла попросить в подарок орхидею «красная вагина», – осторожно заметила я.

– И тем не менее именно ты попросила, чтобы папа привез тебе аленький цветочек. Мы с тобой как раз читали тогда эту книжку. Папа спросил, что тебе привезти из командировки.

Я задержала дыхание.

– Эта орхидея... она что – алая?

– Не совсем. Концы трех ее вывернутых лепестков розовые, а внутренность темно-красная. Пестик укороченный и толстый как раз в верхней части цветка, похож на...

– Не надо, – перебила я. – Меня тошнит от всего этого.

– Странно для шестнадцатилетней девочки, – заметила Мамавера. – Не далее как позавчера я обнаружила в твоей комнате журнал...

– Сейчас приду, – я вскакиваю и несусь в ванную.

Подумать только – меня натурально вырвало! По-моему... ну да, первый раз в жизни. Если, конечно, не считать, что первые три года существования я не помню.

– Что ты пила ночью? – спросила мама, когда я вернулась.

– Сок. Знаешь, что такое «аленький цветочек»?

Мама задумалась, потом кивнула:

– Теперь я представляю его только орхидеей. А ты?

– Это мак.

– Мак? – мама удивилась так сильно, что растянула рот в улыбке. Она всегда при сильном удивлении так делает.

Я вдруг подумала, что тоже иногда замечаю за собой странное подергивание лица при сильном удивлении или волнении. Сейчас, например, кусаю нижнюю губу. Волнуюсь из-за странной тошноты? Поверила в легенду о смерти отца? Киваю удивленной маме:

– Да, тот самый мак, из которого изготавливают наркотики. В сказке мужик стащил для своей дочери редкий цветок с

плантации. Естественно, владелец плантации за такое потребовал себе дочку мужика или его жизнь. С наркомафией, как ты знаешь, дела плохи. Дочка решила пожертвовать собой ради отца, отправилась на плантацию и уже через несколько минут пребывания там увидела сады райские и чудище безобразное, еще скатерть-самобранку и все такое. Музыка ниоткуда, эйфория... Я пойду спать.

– Подожди, Лилит. Ты меня разбудила, чтобы спросить об отце?

Она редко меня так называет. Полным именем.

– Нет, конечно. Нужен он мне! Хотела попросить не будить меня с утра. Давай завтра ради разнообразия обойдемся без твоего показательного шоу с моим вытаскиванием из кровати, совместным походом в ванную, подгоревшими гренками и все такое. Расслабься. Ты нормальная мама.

– Неужели? – взвилась Примавэра.

– Ладно. Ты больше, чем нормальная. Не пьешь запойно и мужиков не водишь домой. – Заметив, что небольшой столбняк от моего последнего заявления грозит вылиться в истерику с упреками и обидами, я поспешно перешла к деловой части заявления: – В школу пойду к третьему уроку на контрольную по химии. Встану сама, так что спокойно поспи.

И осторожно прикрыла за собой дверь.

А что? Нормально встала. Под звуки тамтамов. Африканские племена так передают свои сообщения на дальние расстояния. Будильник я себе ставлю на компьютере. В доме нет нормальных часов. Вообще. Старые настенные с загробным боем – не в счет. Я их редко завожу. Так что при необходимости двое бодрых и в меру высохших африканцев бьют мне в тамтамы с экрана ноутбука и еще скалятся породистыми зубами – вставай, Текила!

Я выпила крепкий чай, съела пару ломтиков сыра и три сухофрукта. Финики это были. Вполне прилично оделась, залезла на антресоли в коридоре и из своей секретной коробки из-под обуви достала парик. Минут пять цепляла его на голову. Получилось совсем неплохо. Как будто я остригла до плеч свои желтые волосы и выровняла их легкую волнистость. Стильно и скромненько – то, что нужно для химички.

Опоздала минуты на две. Как раз успела открыть дверь химичке у кабинета.

– Лилит у нас сегодня с челкой! – заявила с порога учительница. – И с новой стрижкой. А некоторые перед ответственной контрольной боятся даже голову помыть. Лилит сядет сегодня на первую парту и, учитывая ее отвращение к моему предмету, отдаст свой мобильный.

Я с облегчением выдохнула: сегодня варианты контроль-

ной были написаны на доске, а не индивидуально для каждого на листках. Мое постоянное место на последней парте меня бы здорово подвело. А попроситься в такой ситуации самой сесть поближе к доске значило вызвать сильнейшее подозрение и неусыпный контроль.

Под сочувственный гул одноклассников я села за пустую парту и сидела, сидела, сидела с вытянутой рукой, пока химичка, хмыкнув, не подошла и не забрала из этой руки мобильник. Класс потихоньку затих. Я посмотрела на доску с заданием. Глубоко вздохнула и выпрямилась, расправив плечи. На всякий случай еще поправила пуговку на блузке.

– Вижу, – сказал мне в ухо Байрон. – Срисовал. Готовь ручку.

Я подвинула к себе листок бумаги и посмотрела на задумчиво уставившуюся на меня химичку. Конечно, ей не давал покоя «феномен Лилит», которая пишет контрольные и сдает письменные тесты на «отлично», а при устном опросе больше тройки с минусом не имеет. Я подкинула ей идею на тему боязни личного общения с преподавателем и нарвалась на регулярные насмешки по этому поводу. Придется сегодня для убедительности сделать несколько ошибок и не успеть все решить, а то в следующий раз чего доброго она меня обыщет.

– А что у нас в пакете? – химичка подошла ко мне и подняла с пола пакет. Ни секунды не сомневаясь, полезла в него и достала кожаную куртку. Встряхнула.

– Это моя! – встала Мерилин. – Я давала куртку Текиле на вчерашний вечер.

– Твоя – значит, и валяться должна у твоей парты, – зло-
радно посмотрела на меня химичка.

– Вы только что нарушили права свободного граждани-
на демократической страны. Досмотр чужих вещей без санк-
ции, – говорю я, изображая досаду.

– Чудненько! – заметила на это химичка, бросила пакет
к ногам Мерилин и на некоторое время потеряла ко мне ин-
терес.

Я добросовестно записывала все, что надиктовывал Бай-
рон, иногда в задумчивости щелкая два раза ручкой. Знак,
что последнее нужно повторить. Из семи заданий пропусти-
ла два. Легкое последнее (якобы не успела) и одно из труд-
ных. Химичка подходила изучать мою писанину три раза. Я,
как могла, делала ошибки, потом нервно зачеркивала и во-
обще страдала всю. За пять минут до конца урока дверь
открылась. В проеме какой-то мужчина поманил к себе учи-
тельницу, она подошла и с первыми его словами посмотрела
на меня. Интересно.

– Лилит, – сказала химичка, – тебя вызывают к директору.
Положи контрольную на стол.

Весь класс уставился на меня в ожидании. Уходя, я забра-
ла телефон, пожала плечами и изобразила на лице полное
недоумение. В коридоре ждали двое. Любитель белой кош-
ки и неряха с перхотью на темном сукне пиджака. Мы спу-

стились на первый этаж и пришли в кабинет директора. Директор вскочил при нашем появлении и даже подставил мне стул – ткнул его под коленки с таким рвением, что ноги подогнулись.

Все уселись и сидели молча, пока директор на мой вопрошающий взгляд не объяснил:

– Ждем Веру Андреевну. Твою маму. Без нее я не могу тебя отпустить с этими людьми.

Мамавера пришла минут через десять. Застыла у порога, в полной оторопи разглядывая мою голову. Гости даже забеспокоились и поинтересовались, ее ли дочь в кабинете. Мама кивнула и уже с отрешенным лицом предъявила свои документы, двое мужчин в пиджаках – свои, директор нервно требовал расписку об изъятии ученика из учебного процесса, потом сдался, посмотрел на меня и укоризненно покачал головой:

– Ну что ты еще натворила?!

В легковушке Мамавера села рядом с водителем, а я на заднее сиденье между двумя мужчинами. Ехали недолго. И вот мы вчетвером уже в небольшом кабинете с видом из окна на кирпичную стену. Один из мужчин открыл принесенный ноутбук.

– Начнем? – весело предложил другой и нажал кнопочку под столом.

Вошли две молодые девушки.

– Наружный осмотр несовершеннолетней Лилит Бондарь

будет произведен в присутствии матери. Не волнуйтесь, – обратился он к вскочившей после его слов маме, – раздеваться девочка не будет. Осмотр сканером на чиповые устройства.

Одна девушка достала небольшой приборчик с антенной, а другая присела передо мной и изобразила добрейшую улыбку. Начали они с тужель. Потом я встала, раздался писк прибора.

– Где? – спросила улыбчивая девушка, держа сканер у меня перед грудью.

Я показала на вторую сверху пуговицу, потом на правое ухо. Девушка осторожно вытащила камеру, а микрофон я достала сама и спросила:

– Как вы узнали?

Неряха довольно улыбнулся и кивнул на стену.

– Твой дружок в соседней комнате.

Девушки вышли. Мамавера обошла стол и наклонилась над трофеями, осмотрела их, не прикасаясь, и простонала:

– Нет! Только не это.

Мне стало жутко интересно. Не всякий обычный человек, даже работающий в крупной строительной компании, где кража информации дело обычное, может понять, что лежит на столе. Моя мама с первого взгляда поняла – *что*.

– Но это же!.. – она посмотрела на меня растерянно. В этот момент чувство долга боролось в ней с родительским инстинктом.

Инстинкт победил, она решила не вредить дочери, выда-

вая свое знание предмета, и продолжила:

– Это же, наверное, стоит больших денег! Это плеер такой?

Мужчины оценили ее отчаяние и снисходительно пояснили:

– Нет, это видеокамера и приемник средней дальности действия, новейшая разработка, Сэ-Шэ-А, как говорится.

– Подождите, минуточку, – теперь мама сопоставила наличие этих предметов у меня в школе и совершенно искренне попыталась найти объяснение. – Зачем это?..

Неряха все оперативно разъяснил:

– Ваша дочь и ее дружок, студент второго курса Политехнического Байрон Феоκлистов, таким образом решали контрольную по химии. Лилит в классе, так сказать, а студент на улице в автомобиле с портативным компьютером новейшей модели. Я лично такую модель в Москве в продаже еще не встречал.

Мама посмотрела ему в лицо, потом в лицо любителю кошек и растянула рот в кривой улыбке.

– Вы привезли сюда мою дочь, потому что она списывала... – тут Мамавера замешкалась, подбирая правильное определение. Подобрала: – Нечестным образом путем обмана писала контрольную по химии? Да сейчас ученики пользуются для этого своими мобильниками! Сплошь и рядом!

– Вот мы и подумали, зачем девочке такая навороченная система? А главное, – неряха многозначительно уставил ука-

зательный палец на трофеи, – такая дорогая и практически недоступная обычным людям?

– Как вы нас поймали? – спросила я. – Вы что, прочесываете с антенной территории вокруг школ? Операция «анти-террор»?

Агенты федеральной службы безопасности (именно это и было указано в их удостоверениях) посмотрели друг на друга и посетовали:

– Мечтать не вредно, – заметил один.

– Да, у ребенка явно завышенные требования к системе безопасности страны, – поддержал его другой.

– А действительно, как? – включилась и Мамавера.

– Да все просто. Мы ведем вашу дочь и ее друга с ночи. Эти милые молодые люди сорвали нам крупнейшую операцию. Годовая разработка пошла псу под хвост.

Мамавера слегка побледнела. Над верхней губой выступили капельки пота. Я взяла ее за руку.

– Не нервничай. Все в порядке. Поверь мне, все нормально. Через полчаса поедем домой.

– А что у тебя с головой? – покосилась на меня мама.

К моему удивлению, любитель кошек тут же с охотой ей разъяснил:

– А это парик, уважаемая Вера Андреевна! Ваша дочь вчера для конспирации изменила прическу. Придала своей голове определенный стиль. Стиль посетительницы ночного клуба «Чугунка». И надо сказать, выдержала его в полной

мере. Вот посмотрите, – он развернул ноутбук.

На экране – запись из видеокамеры. Я сижу у барной стойки и пью сок. Рядом с тремя девушками. На головах у нас похожие зачумихи, только пирсинг в разных местах на лице, мы в куртках с заплатками или с бахромистыми украшениями. Учитывая затемненность помещения, нас весьма трудно различить.

– Дальше – интересней, – пообещал любитель кошек и показал съемку с улицы.

Я на пожарной лестнице. Потом стало еще интереснее. Я – в квартире. Потом я опять на лестнице, спускаюсь до второго этажа. В туалете камеры нет, я это точно знаю. Потом я у стойки бара, естественно, недовольная. Выхожу из клуба, иду за поворот. Все кино.

Мамавера посмотрела на мужчин и заметила:

– Плохая съемка.

– А она нам ни к чему, уважаемая Вера Андреевна. Ваша дочь оставила отпечатки пальцев.

Мама посмотрела на меня. Я посмотрела на настенные часы.

Мамавера вздохнула и попросила:

– Скажите же, наконец, что она натворила. Я уже поняла, что контрольная здесь ни при чем.

И неряха с готовностью ей разъяснил:

– Она ограбила одного не очень щепетильного в вопросах морали и права человека.

– Ерунда, – сразу же отреагировала я. – Я скачала файлы из его компьютера на указанные коды.

– Эти файлы содержали номера банковских вкладов! – подался ко мне через стол любитель кошек.

– А мне по фигу, что они содержали! Я хакерю и получаю за это оплату.

– Зачем ты говоришь такие вещи без адвоката?! – рассердилась мама.

– Мне не нужен адвокат, – спокойно заметила я. – Человек, в чей компьютер я залезла, никогда не заявит о пропаже. Заказчиков никогда не найдут. Доказать, что я это сделала, невозможно. Да, залезла в чужую квартиру над клубом. Включала компьютер. Посмотрела, нет ли там интересных игр. Шестнадцать мне стукнет через неделю. Что? Поставите меня на учет в детской комнате милиции? Или предъявите суду свои секретные разработки по слежке?

Мужчины переглянулись.

– Твой напарник... – начал было один, но я тут же его перебила:

– Он и близко не подходил к ноутбуку. А то, что мы постоянно переговариваемся, это не криминал.

– Как вы получили оплату? – спросил другой.

– Пока вы это не отследили – никак.

– Откуда ты узнала пароль? – спросил любитель кошек.

– Определила на месте.

– Как?

– Заставка на экране. Охотничья собака. Сеттер. Сказать, как ее зовут? Клеопатра. Назвать коды, на которые я пере-гнала файлы? Пожалуйста!

И я оттарабанила девять кодов по шесть цифр без паузы в отвисшие челюсти мужчин и в кривую улыбочку мамы. Перевела дух и поинтересовалась:

– Надеюсь, вы записываете? Повторять не буду. Хотя вы сами знаете, что коды вам уже мало помогут – вся система переброски данных уничтожена после получения информации.

Мамавера покопалась в сумочке, достала плоскую фляжку и, не сводя с меня напряженного взгляда, сделала из нее несколько глотков. Любитель кошек очнулся от ступора и стал нажимать кнопки на своем ноутбуке. Неряха встал и начал ходить туда-сюда по комнате.

– Я достаточно помогла вам чистосердечным признанием? Нам пора. Я обещала маме, – показываю на часы.

– Как на вас вышли? – спросил неряха.

– Заказ через Интернет.

– Поподробней с определением пароля.

Подумав, я решила ответить честно. Все равно они ни черта не поймут.

– В квартире живет охотник-аскет. Нет еды, минимум мебели, никаких личных вещей и фотографий. Может, он шпион, или квартиру эту специально снял только для работы на компьютере.

Агенты переглянулись.

– Угадала, да? Ну извините. Я же не знала.

– Не отвлекайся! – приказал неряха.

– Я нашла одну фотографию – заставку на экране. Он там вполне счастлив. Он и его сеттер. Я подумала, что паролем может быть кличка собаки. Угадала.

– И часто ты так угадываешь? – поинтересовался любитель кошек.

– Бывает, – осторожно ответила я. – Хотите угадаю ваш пароль?

Наступила напряженная пауза. Мама достала из сумочки пачку сигарет и задумчиво изучала ее. Потом вытряхнула одну и прикурила от зажигалки неряхи.

– Мама!.. – прошептала я с ужасом.

– Помолчи, дай подумать, – отмахнулась она, выдыхая дым.

– Не знала, что мать курит? – прищурился неряха.

– Не знала, – я опустила голову.

– Странно, да? Странно, что ты изображаешь из себя провидицу, а сама не в курсе подобной привычки своей матери, – поддел меня любитель кошек. – Так какой у меня пароль? – он открыл ящик стола и достал пепельницу.

– Это просто. Кличка вашей белой кошки. Вы ей много позволяете, везде лазить, и часто берете на руки. Может, у вас даже не одна кошка дома. А мне мама не разрешила взять котенка.

– И как ты это узнала? – любитель кошек скрыл свою реакцию под ухмылкой.

– По пиджаку. На нем белая шерсть.

– А что ты скажешь обо мне? – неряха развернул стул и сел поближе.

– Вы животных не любите. Вы страдаете по женском полу, но безрезультатно.

Любитель кошек насмешливо хмыкнул. Неряха посмотрел сквозь меня, криво улыбаясь.

– Лилит, прекрати, – устало попросила мама, загасив сигарету.

– Может, вы даже садистом и насильником стали из-за того, что женщины вас отвергают, – понесло меня от злости на курящую маму.

– И это все ты узнала по моему пиджаку? – разулыбался вовсю неряха.

– Не только. У вас перхоть. Рукава пиджака засалены. Волосы жирные. На левой руке две царапины, как от ногтей. Вы левша? Вы... Вы могли душить несчастную жертву, а она сопротивлялась!

– Хватит, – любитель кошек встал. – Интересно было познакомиться с такой неординарной личностью. Теперь завершающая стадия нашей встречи, – он протянул маме лист бумаги. – Подпишите. Вы разрешаете взять у вашей дочери отпечатки пальцев и анализ на определение ДНК.

– А если я не разрешу? – она сильно огорчилась из-за этой

бумаги, я сразу заметила.

– Ваша дочь будет задержана до получения нами санкции. Это недолго. Часа два-три.

И мама подписала.

– Вот и отличненько, – любитель кошек забрал лист, наклонился ко мне и проникновенно сказал: – У меня нет кошки. Ни одной.

Я имела возможность рассмотреть вблизи белые шерстинки на его рукаве и почувствовать едва слышный звериный запах.

– Значит, это кролик. Или?.. – в близких глазах напротив мелькнуло удивление. – Точно. Это может быть крыса. Большая. Их еще называют морскими свинками. Угадала?

В кабинет вошел пожилой мужчина с чемоданчиком и сел напротив. Агенты отошли к окну и там тихонько переговаривались. Мне выпачкали пальцы черным и потом еще залезли ватной палочкой в рот. Пожилой ушел, агенты вернулись к столу. Неряха взял подписанный мамой лист.

– Можете идти. Надеюсь, Лилит, ты поняла, что сейчас произошло, и впредь постарайся вести обычную жизнь законопослушной школьницы. – Он взял ручку и черкнул что-то на листке.

– Он левша! – с удовольствием отметила я, торжествуя, посмотрев на любителя... вонючей морской свинки. – Я угадала – ваш напарник левша!

Мама утащила меня, а в коридоре еще залепила пощечи-

ну. Первый раз в жизни, хотя... Я же ничего не помню до трех лет. Кто знает, может, мне тогда тоже доставалось. Как ни странно, пощечина привела меня в чувство.

На улице нас ждал Байрон в машине. Мама остановилась, раздумывая. Байрон вышел, открыл заднюю дверцу.

– Садитесь, Вера Андреевна, я вас подвезу.

Мама подумала еще немного и села. Я тоже села к ней назад.

– Боря, что сейчас произошло, можешь объяснить? – спросила она, игнорируя меня.

Моя мама никогда не называет Байрона по имени, только идиотским «Борей».

– Все хорошо, – ответил Байрон, заводя мотор. – Нам повезло. Нас привезли не в ментовку, а в контору.

– И в чем же заключается это везение? – начала заводиться мама.

– Чисто. Допрашивают культурно. Не игнорируют закон.

– Ты что, попадал на допросы в милицию? – сменила она тон.

– Не я. У меня отец сидел. Он рассказывал.

– Боже!.. – она закатила глаза. – И за что?

– За предательство Родины. Я до пяти лет носил фамилию Феоклистов-Бирс, а после его ареста осталась только мамина фамилия. Вас куда отвезти – домой?

– Нас отвезти домой! – покосилась на меня мама.

– У меня дела, – спокойно возразила я. – Буду поздно ве-

чером.

Байрон остановился и повернулся к нам.

– У нас дела, Вера Андреевна, а вам не надо домой. Дайте служивым дядям спокойно пошарить у вас в квартире.

– Пошарить?.. Что ты несешь? – перешла на шепот мама. – Во что ты втянул мою дочь?! За что ты нас так ненавидишь? Ты же ей жизнь испортил, ты!.. А если бы ее арестовали?

– Ерунда, – спокойно перебил ее Байрон. – Я законы знаю. И у меня есть деньги на хорошего адвоката и на взятки.

– А ты знаешь, чего стоят сутки в камере изолятора? Сколько ужаса и болезней это может стоить девочке? Сво-лочь! Почему ты сам не полез в эту квартиру, если так уверен в адвокатах и взятках?!

Я хватала мамины руки, она отбивалась и кричала, но я успела вставить ответ на ее «почему»:

– Потому что у меня череп приплюснутый с боков и вес сорок восемь килограммов!

– Череп?.. – Как ни странно, она мгновенно успокоилась, осмотрелась и попросила: – Выпустите меня. Я сама дойду.

Байрон

Мы дождались, когда она уйдет, станет совсем маленькой фигуркой на набережной, и одновременно выдохнули напряжение.

– Я должна тебе кое-что сказать, немедленно! – меня трясло.

– Я тоже.

– Нет, я первая! Байрон, я тебя люблю. Я сейчас!.. сегодня это вдруг поняла!

– Я тебя тоже люблю, – буднично заметил Байрон, – но ты должна знать, что следили не за нами, а за квартирой, в которую ты влезла, а потом уже они повели нас.

– Да мне наплевать. Ты слышишь, я тебя люблю! Ты можешь сесть рядом?

Байрон всмотрелся в мое лицо. Пожал плечами, вышел из машины и сел ко мне на заднее сиденье. Я тут же задрала его свитер и стала вытаскивать футболку из джинсов.

– Текила, ты что делаешь? – он попробовал остановить мои руки.

– Я хочу немедленно поцеловать твой сосок.

– Сейчас? – он осмотрел улицу.

– Немедленно! Убери руки, а то укушу.

Байрон поднял руки, я подняла футболку и вцепилась губами в темно-розовый сосок. Стало легче. Я села, тяжело ды-

ша.

– Текила, что с тобой? – с ужасом спросил Байрон, протягивая руку к моему лицу.

– Я... Мне очень хорошо, просто кайф, и все вокруг плывет в счастье, как от затяжки.

– Но ты же плачешь!.. – прошептал Байрон. – Ни разу такого не видел. Ты заболела? Ты ничего не пила в кабинете?

– Ничего я не пила, это оттого, что я тебя люблю!

– Давно? – Байрон достал платок и вытер мне лицо.

– Что – давно?

– Давно любишь?

– Нет... – я задумалась и стала успокаиваться. – Вот только что вдруг поняла.

– А когда мы трахались, ты еще этого не понимала?

– Не знаю... – я отодвинулась и посмотрела на Байрона со злостью. Весь кайф обломал. И мир обесцветился. – Наверное, и тогда уже любила. Иначе – зачем...

– Ну, знаешь, с тобой не соскучишься, – Байрон провел рукой по моей голове и снял парик.

– Как-то странно все, – я посмотрела на серый мир за окнами. – У меня взяли отпечатки пальцев и мазок на ДНК.

– Аналогично, – вздохнул Байрон.

– И куда мы с тобой влезли с этим охотником?

– Не знаю, – он посмотрел в мои вытарщенные глаза и развел руки, – я не служба безопасности нефтяного концерна и не агент наркоконтроля!

– Почему ты сказал о наркотиках? – вздрогнула я.

– А кто еще может отвалить такие бабки?

– Что значит «такие»? Ты разве им не назвал?..

– Я назвал нашу повышенную таксу с поправкой на риск, все-таки ты лезла в жилое помещение. Это же не в офис с пиццей завалиться в обеденный перерыв и пошарить по столам, – он задумался. – Или с ведром. Помнишь, как ты уборщицей была? – он опять впал в ступор.

– Ну и?..

Байрон посмотрел на меня и еще раз провел платком по щеке:

– Мне ответили, что если все получится быстро, до полуночи, нам удвоят гонорар. Удвоили. Я сегодня утром связался с поплавком и обалдел. Сумма в евро.

Стало зябко. Я нащупала ладонь Байрона и прошептала:

– А что, если они и заказали? Эти синие костюмчики с перхотью.

– Я уже думал об этом. И гонорар такой для затравки. Мне парень из универа рассказывал, как он год хакерил на контору, не зная об этом, а потом, когда кинул их, посыпались угрозы вперемешку с предложениями о постоянной работе. Только так он и понял.

– Если это они, то в машине жучок, – я вдруг жутко устала.

– Впустую, – Байрон тоже зевнул. – Поймать меня могут только в деле, если пройдут все ступени защиты. А сие просто невозможно, учитывая количество спутников на пятерку

хакеров в нашей цепочке.

Я легла головой на колени Байрона, поджала ноги, и так мне стало хорошо, что я тихонечко застонала. Байрон тоже задремал, расслабившись. Мимо проносились с равномерным шумом машины. Никому не позволительно будить такое счастье ни резким движением, ни шумным вздохом.

Но в стекло постучали ногтем, я посмотрела, не вставая, и обалдела:

– Примавэра?..

Байрон толкнул дверь от себя.

Мамавера наклонилась и посмотрела на нас так, что мы оба перестали дышать.

– Я тут шла, шла, вы не уезжаете. Что можно делать в автомобиле на набережной? Я увидела аптеку и вдруг подумала... – маму трясло, она даже заикалась. – Я подумала... вы уже сблизились? Отвечайте немедленно: у вас уже все было, да?!

Она вцепилась в плечо Байрона.

– Имей в виду! – мама погрозила пальцем, ее подбородок дрожал. – Она несовершеннолетняя! Я тебя привлеку! Я на тебя... заявление напишу. А вот это... Это – тебе! – в меня полетели маленькие коробочки.

Три штуки. Я села, все еще ничего не понимая.

Байрон вышел, обошел маму и сел за руль. Мама прошлась туда-сюда у машины и села ко мне на заднее сиденье.

– Что это? – спросила я, прижимая коробочки к груди.

– Тесты на беременность! – громко объявила мама.

– Три штуки? – шепотом спросила я.

– Чтобы все было точно! Тебя тошнит по утрам? Тошнит!

Тебя раньше никогда не тошнило! Ты, правда, срыгивала до шести месяцев, но это делают все младенцы. Тебя никогда не укачивало в транспорте, ты всегда была хорошей девочкой, послушной... доброй... – она закрыла лицо ладонями.

Байрон молча протянул назад уже знакомый мне платок.

Мама от души в него высморкалась и злобредно заметила:

– Я все равно на тебя заявление напишу. О совращении...

малолетней! Вот проверим дома тесты и сразу же напишу! Я тебя посажу! Пока ты совсем не поломал жизнь моей девочке!

– Не успеешь, – заметила я. – На днях мне стукнет шест-

надцать.

– Нелогично будет, – поддержал меня и Байрон. – Если

Текила беременна, жениться надо, а не судиться.

– Я согласна! – крикнула я до того, как мама открыла рот.

Мы сидели тихо минут десять. Потом мама начала возиться в сумочке, достала уже знакомую мне фляжку и потрясла ее. Пусто.

Байрон внимательно посмотрел на нее в зеркало, открыл бардачок, достал початую бутылку коньяка и стопку пластмассовых стаканчиков в упаковке.

– Добить меня решили, да? Давайте, навалитесь дружно

и весело... – мама выковыряла стаканчик и подставила его Байрону. – Что у тебя там еще есть? Парочка заряженных шприцев?

– Это коньяк отца, – сказал Байрон, наливая. – Французский.

Я смотрю, как мама пьет, и прошу:

– А мне шприц, пожалуйста.

Мама с хрустом мнет стаканчик и кричит:

– Прекрати свои издевательства!

– А ты прекрати пить! – кричу я в ответ.

Байрон нажал на клаксон. Мы с мамой замолчали.

– Я опаздываю на важную встречу, – сказал Байрон. – Давайте подброшу вас домой, а потом подъеду. Часа через два.

Мама смотрела в окно и молчала.

– Поехали, – тронула я ее за рукав пальто. – За два часа мы успеем поругаться и помириться, после того как я разберусь с тестами.

* * *

– Он не придет, – сказала мама через два часа. – Сколько денег вы нагребли своим воровством?

– Суммы и способы получения вознаграждения никогда и нигде не обговариваются вслух, – еле ворочая языком, я процитировала пятый пункт нашего с Байроном соглашения.

– Значит, много, – кивнула мама. – Он смеется с вашими

деньгами. Больше ты его не увидишь.

Мы сидим на диване в разных углах. Между нами валяются использованные тесты. Все – положительные. На полу стоит бутылка виски и мамина рюмка.

Во входной двери щелкнул замок. Возня в прихожей, потом в комнату вошел Байрон. Мама посмотрела на меня.

– Какого черта?..

– У Байрона есть ключи от нашей квартиры.

– Это еще зачем? – повысила голос мама.

– На всякий случай. У меня тоже есть ключи от его квартиры.

Байрон подошел к дивану, посмотрел на валяющиеся корочки.

– Я звонил в дверь. Долго. – Он щелкнул выключателем торшера рядом с диваном. – Света нет. Но я решил, что вы обе после таких результатов изобразили массовое самоубийство, – кивает на диван. – А где у вас счетчик?

Я смотрела на Байрона снизу и обмирала от любви и тоски. Он так хорош! А я – пигалица с пучками крашенных волос и обгрызенными ногтями!

– Какой у тебя рост? – мама тоже обшаривала взглядом фигуру Байрона.

– Метр восемьдесят семь. Семьдесят восемь килограммов. Группа крови вторая, резус отрицательный. Вы что-нибудь ели с утра? Я голодный.

Мы с мамой удивленно посмотрели друг на друга.

– Готовит каждый сам себе, – почему-то виновато объяснила я. – Последние полгода мама по утрам пытается изобразить гренки, но они получаются несъедобными.

– Я еще кашу варю! – возмутилась Мамавера. – Гречневую...

Байрон вышел на лестничную площадку. Торшер тут же засветился желтым абажуром. Потом он сходил в кухню. Вернулся с открытым пакетом кефира и булкой. Сел жевать в кресло перед выключенным телевизором, закинув ногу на ногу. Мы с мамой опять переглянулись. Сзади нам был виден его затылок с хвостиком волос, перетянутых резинкой, и большая ступня в черном носке.

Мама со второй попытки встала с дивана, обошла кресло и стала смотреть, как Байрон ест. Я прилегла, не сводя взгляда со ступни, и чувство умиления от вида его ноги разлилось теплом по телу.

Байрон доел, поставил пакет на пол и развернул кресло. Теперь мама оказалась сбоку от него. Она стояла у подоконника с унылым видом потерявшегося человека и не сводила взгляда с пакета на полу.

– Давайте обсудим нашу проблему, – предложил Байрон.

– Да уж!.. – очнулась мама. – Хотелось бы услышать, что ты считаешь проблемой.

– Текила беременна, – просто ответил Байрон. – Я, конечно, могу на ней жениться, но постоянно жить вместе – вряд ли.

– Как интересно, – завелась мама, – где это вы собираетесь жить вместе?

Меня насторожило другое:

– Не можешь постоянно? Почему?

– Я полигамен, – буднично объяснил Байрон.

Мама изобразила свою кривую усмешечку, но глаза ее растерянно шарили по лицу Байрона.

– Лилька, – заметила она, – тебе стоит призадуматься. Если исходить из твоего сексуального опыта, то наш мальчик, похоже, не любит презервативы. Для полигамного самца это весьма неосмотрительно. У твоего ребенка может оказаться много братиков и сестричек.

– Я сама виновата. У меня перебои с месячными. Я перестала обращать на это внимание.

– А потому что ты истощена! – повысила голос Мамавера. – Нехватка веса, зато как удобно пролезать в форточки!

– Ты можешь быть рядом со мной каждый день часов по пять? – униженно попросила я Байрона. – Хотя бы первое время, пока мой организм этого требует.

– Я постараюсь, – кивнул Байрон.

– Вы ненормальные, – шепотом сказала Мамавера. – Эй, детки! Это не компьютерная игра, это девять месяцев распухания, потом – роды, пеленки, памперсы, болячки и постоянный недосып! Для остроты ощущений добавьте к этому насущную необходимость получения образования! И где вы собираетесь проводить столь увлекательный гейм? В нашей

двухкомнатной?

– Текила, ты хочешь жить с матерью в твоём состоянии? – спросил Байрон.

Я ответила, не раздумывая:

– Нет.

– Все-таки помощь, совет и присутствие родного...

– Нет! – перебила я его.

– Лилька! – возмутилась Мамавера.

Байрон пожал плечами:

– У меня жить нельзя. Моя мать сумасшедшая. Оставить ее я тоже не могу, психушка исключена. Предлагаю купить тебе квартиру. У нас хватит на однокомнатную в хорошем районе.

– Сумасшедшая? – мама вцепилась пальцами в подоконник. – Полигамный самец с дурной наследственностью! В моем доме?! С моей дочерью!.. Лилька, я тебе настоятельно рекомендую подумать...

– Нет! – перебила я. – Никаких аборт.

Мама прошлась по комнате.

– Напомните, пожалуйста, как вы вообще нашли друг друга, – вдруг попросила она и постучала себя по лбу пальцами: – Я не могу понять, как такое могло произойти!

Я пожалала плечами, посмотрела на Байрона. Он улыбнулся и кивнул.

– Зимний лагерь три года назад, помнишь? Ты еще не хотела меня отпускать, – сказала я.

– Прекрасно помню, – кивнула мама. – А разница в возрасте? Восхищенная старшеклассником семиклассница – это понятно, но ты-то почему обратил на нее внимание? Ни намек на половые признаки, всегда одна, замкнута, огрызается!

– Оказалось, что у нас есть нечто общее, – улыбался Байрон. – Шпионское прошлое отцов.

– Прекрати-и-и... – протянула мама и села ко мне на диван.

– Нет, серьезно. Я сказал, что мой отец был шпионом и погиб, выполняя важное задание. А Текила вдруг спрашивает: «Награжден посмертно?» Нет, – говорю, ничего об этом не знаю.

– А я тогда спросила, видел ли он могилу своего отца? Оказалось – не видел. И я не видела. У меня нет фотографий отца, и у него – ни одной. Мы с Байроном отошли от толпы подальше и обменялись имеющейся у нас информацией. Информации было минимум, сама знаешь. Но из шеренги других отцов этого заезда – менеджеров, охранников, научных сотрудников и предпринимателей – наши отцы явно выпадали. Так мы и познакомились. А на другой день...

– А на другой день я замутил такую бучу: предположил, что Текила – моя сестра. Раз уж так все сошлось.

– Да, – вздохнула я, – было смешно.

Мама покачала головой:

– Детский сад, да и только! Хочешь посмотреть на могилу

своего отца? – она сказала это вполне серьезно.

Я задумалась.

– Не знаю, стоит ли мне сейчас ходить по кладбищу...

– Конечно, стоит, – уверила меня Мамавера. – Убедишься, по крайней мере, что фамилия твоего отца не Бирс. Кстати, о твоем отце, – мама ткнула пальцем в сторону Байрона, – недавно ты говорил, что он сидел и ни слова о смерти.

– Это отдельная история. Больше касается матери, чем отца. Когда его посадили за измену Родине, ей предложили сменить фамилию и вообще забыть этого человека. Мать его и похоронила. Во избежание позора. Она была тогда известной арфисткой. Полтора года назад отец приехал в Питер. Мать съехала с катушек. Никак не может для себя решить – живой он или мертвый. Ну так что, едем? – Байрон встал.

– Куда? – спросили мы с мамой хором.

– На кладбище.

Жертва

На кладбище в субботу было много народа. Громкие крики ворон – уже смеркалось, и они кружили плотными стаями над старыми деревьями, готовясь к ночлегу. Бесконечно длинные проходы между оградами в поисках нужной могилы. Мама два раза выходила не на ту линию. Потом вдруг оказалось, что мы уже на месте: никакой ограды, два почти одинаковых камня – темный и светлый. На темном – выпуклый мужской профиль, имя, годы жизни.

– Марк Яловский, – прочитала я вслух. – Умер в сорок четыре года.

Провела рукой по камню там, где нос выступает, и посмотрела на маму вопросительно:

– Яловский?..

– Бондарь – моя девичья фамилия, – на кладбище мама вдруг стала спокойной и веселой. – И твоя тоже.

– А рядом женщина похоронена, – сказал Байрон. – Странно, тот же год смерти. Вы ее знали?

– Нет, – ответила Мамавера, покосившись в его сторону.

– Марина... – он замешкался, – Марина Яло...

Я вздрогнула.

– Яловега, – прочел наконец Байрон и постарался успокоить меня улыбкой: – Извини, плохо видно. Странная фамилия.

– А на памятнике слева фамилия Замахнибейся, – показала мама рукой. – Достаточно, или еще погуляем? Почитаем, так сказать.

Мы медленно пошли к выходу. Мне что-то мешало дышать. Не хватало еще разреветься. Хватаю Байрона за рукав. Он тут же лезет в карман и достает... свой большой носовой платок.

– А может такое быть, что отец вез орхидею этой Яловеге? – спрашиваю я, отвергая платок, и шепчу Байрону: – Ты вообще его стираешь?

– Нет, – он убрал платок. – Но сегодня, похоже, придется.

– Не может такого быть, – категорично отмела мою версию мама.

– Но ведь дата смерти одна и та же! Вдруг эта женщина была с ним в гостинице в момент убийства и похищения орхидеи, – упорно продолжаю я. – Их могли убить вместе.

– Женщина, орхидея... – вздохнул Байрон. – Мой отец ограничился заглыванием микропленки. А у вас все так романтично.

– Говорю же, – настаивала мама, – он вез цветок тебе.

– И что это была за орхидея? – спросил Байрон.

Я открыла было рот, потом покосилась на маму.

– Хватит, – сказала она устало. – Хватит на сегодня физиологии.

Что-то заставило меня обернуться. Между двух камней стояла девочка. Маленькая.

– Смотрите, на эти могилки ребенок пришел. Почему-то один, без взрослых, – я показала рукой.

– Где? – прищурилась Мамавера.

– Вон же она стоит в белом платье, рукавчики фонариком.

Байрон обнял меня за плечи, крепко прижал к себе и заметил:

– Холодно ей небось в одном платье.

– Я никого не вижу, – отвернулась мама.

– Это она, – шепчу я.

– Да кто – она? – раздражается мама.

– Яловега.

– Нет, это не Яловега! – рассердилась вдруг Мамавера. –

По датам на памятнике она умерла в 31 год! У тебя уже галлюцинации от истощения! Хочешь провалиться ближайшие месяцы в больнице на сохранении?! Ты должна есть! Есть и спать, а не шастать по ночным клубам!

– А мы немедленно, прямо сейчас, пойдем есть, – Байрон развернул меня к себе и наклонился. – Быстро говори, что ты хочешь съесть.

– Блины, – сказала я, подумав. – С черной икрой. Вишневый пирог со взбитыми сливками, черный кофе и яблочный сок.

– С какой икрой, я не расслышала? – спросила мама.

– Без проблем, – успокоил ее Байрон. – Мы еще не обмыли нашу... – он замялся.

– Ваше воровство, – ехидно заметила мама.

– Это называется нелегальный слив информации, – поправил Байрон.

– Ладно, – сдалась мама, – будем обмывать слив.

Мамавера

Я проснулась в воскресенье в половине шестого утра, потихоньку оделась, вышла из квартиры. Пробежалась переулками, потом по пустому Невскому к вокзалу. В круглосуточной забегаловке купила курицу-гриль с чесночным соусом и в лаваше! С животной радостью по поводу легкой добычи притащила ее домой и стала есть руками. В кухне. За столом. Постанывая от удовольствия. И вот именно в момент этого раннего обжорства, когда сонная Примавера включила верхний свет и подошла ко мне, и взяла из жирного разорения двумя пальцами отвергнутую куриную шкурку, потрясла ее и заметила кивая: «Похвально, похвально!» – я и поверила, что беременна.

– И когда мы пойдем к врачу? – поинтересовалась мама, доставая турку.

– Не раньше, чем мне исполнится шестнадцать. И «мы» тут ни при чем. Я пойду одна.

Мамавера, зевая, стояла над плитой и следила за кофе. Успела.

– Лилька, я хочу задать тебе один неприятный вопрос, – она перенесла турку на стол, достала чашку. Подумала, достала вторую и медленно нацедила в обе кофе.

Я смотрела на ее руку, на черную струйку, потом не выдержала:

– Задавай, наконец!..

– Ладно, – она села напротив. – Но ты обещай быть спокойной и понимающей. Обещаешь?

– Нет.

– Ладно, – она кивнула, соглашаясь. – Тебе полагается раздражаться. Я хотела спросить, насколько ты уверена, что именно Боря отец твоего ребенка?

Я ответила совершенно спокойно:

– Вчера после тестов я была в этом уверена процентов на пятьдесят. А сегодня уже на все сто, – я осмотрела свои жирные руки и остатки курицы. – Больше не влезет, я чувствую, но вот что странно... – я прислушалась к себе. – Хочется зарыть это в укромном месте и вечером доесть.

– Поподробней с пятьюдесятью процентами, – попросила мама. – Еще один мальчик? Кто он? Может, он окажется моногамным и согласится жениться. И у него даже окажется положительный резус крови, и тогда при последующих беременностях...

– Ерунда, – прервала я ее. – Просто вчера я совершенно не верила, что беременна. Вернее, я это предполагала. А сегодня я в этом убеждена. На сто процентов. Но за вопрос спасибо. Интересно было узнать, как ты себе представляешь мое свободное время – секс, наркотики и рок-н-ролл, да? Идолы твоей юности?

– В шестнадцать лет у меня было детство, а не юность. Я родила тебя в двадцать восемь. Осознанно, заметь.

– У меня тоже сегодня уже все осознанно.

– Брось, Лилька. – Мама встала и отнесла в раковину свою чашку. – И ты и я знаем, что тебе просто нельзя делать аборт. Ты что, когда лазила в форточки, только и мечтала, как бы поскорей забеременеть?

– Я первый раз полезла в форточку. И конечно, не мечтала о ребенке. Мне это и в голову не приходило. Но я его не убью. Что? Что ты так смотришь, собираешься зареветь?

– Вроде того, – отвернулась от меня Мамавера. – Убийство здесь ни при чем. Ты можешь просто его не выносить! Это ужасная вещь – выкидыш. Когда ты... уже разговариваешь с ним!.. А как это пережить девочке в шестнадцать лет, я вообще не понимаю!

– Примавера, или ты совсем спятила, рассказывая мне такое после плотного завтрака, или у тебя был выкидыш, – заметила я, заворачивая приличные куски курицы в оставшийся лаваш. – Подойди к окну.

– Что?.. – прошептала мама, совсем поникшая над раковиной.

– Подойди к окну. Я сейчас выйду во двор, а ты будешь смотреть на меня из окна.

– Какой двор?.. Зачем? – очнулась она.

Я собрала в пакет косточки и шкурки, надела куртку и кроссовки. Подумала и взяла телефон. Спустилась в лифте. Во дворе подошла к песочнице и свистнула. Из дырки в дверях дворницкой ко мне выбежали собака Лайма и ее щенок,

уже подросток. Лайма взяла пакет и, дергая его, аккуратно высыпала еду. Подождала, задрав морду, когда я возьму пустой пакет.

Я посмотрела вверх на свое окно. Там стояла Мамавера, которая всегда хотела, чтобы у нее был мальчик. Я давно это подозревала, а теперь точно знаю. Она очень хотела мальчика, но мальчик выкинулся. Как же не хочется идти домой!.. Тоскливо озираюсь. Лайма со своим ребенком носится по двору. Я уже собралась забраться в деревянный домик Бабы-яги с двумя слоновьими ногами и там посидеть, но пришел Байрон и сказал, что мы едем к нему на дачу.

Договариваться с мамой пошел он. О их беседе потом доложил. Никаких беспокойств о беспределе на дорогах, пьяных водителях и прочее: едем на метро, а потом на электричке. Хулиганы? В восемь утра в электричках еще нет хулиганов. Они в это время спят. Копят силы для ночных бесчинств. Из припасенных мамой страшилок следующими по списку были бомжи, забирающиеся в пустующие дачи, и дикие волки в лесу. С этим Байрон тоже разобрался. Дача не пустая, мы едем знакомиться с его отцом, он ждет. Волков и днем с огнем не найти, как и леса – поселок недалеко от залива. После такого обоснованного отпора мама тоже захотела познакомиться с Бирсом-старшим, но Байрон и тут устоял. Он сказал, что поведет ее знакомиться со своей матерью. Буквально на днях.

Я помахала маме снизу.

Лилит

На пороге террасы большого деревянного дома нас встретил высокий худой мужчина.

– Привет вам, дети *шпиёнов*! – крикнул он, раскинув руки в стороны и сияя весельем. – Милости прошу!

Над его головой висели в ряд прикрепленные к верхней балке грозди калины.

Отец Байрона оказался моложавым, но совсем седым человеком, со странно загорелым лицом и руками.

– Вениамин Бирс! – он осторожно взял мою руку в свою и слегка пожал. Потом обшарил меня глазами и еще больше развеселился. Я пожалела, что не надела парик.

Байрон провел меня в гостиную с камином, я села поближе к огню, а отец с сыном на диван. Они одинаково расслабились, скрестив руки на груди и вытянув ноги. Некоторое время я, опустив голову, осматривала четыре огромные ступни в одинаковых шерстяных носках с веселым рисуночком.

– Это мама вяжет, – заметил мое внимание Байрон и уточнил: – Когда хорошо себя чувствует.

– А когда плохо себя чувствует, она распускает все, что связала, – все так же весело продолжил Вениамин Бирс.

– Да, – кивнул Байрон.

Мы помолчали.

– А вас действительно зовут Лилит? – вдруг спросил Бирс.

Я растерянно кивнула.

– Не Лиля, не Лилиана?

– В паспорте записано «Лилит Марковна Бондарь», – совсем уж глупо объяснила я.

– Чудно! – всё улыбался Бирс.

– Да, – кивнул Байрон, покосившись на отца.

– Набокова читали? – спросил Бирс.

Я посмотрела на Байрона и созналась:

– Не все.

– Стихи – точно не читали, – кивнул Бирс.

– Я не знала, что он писал стихи.

– Да, – кивнул Байрон и занялся осмотром своих ногтей.

– У него есть чудное стихотворение «Лилит». Совершенно невероятное. Предвестник, так сказать, «Лолиты». Вы ведь рыжая?

Пока я растерянно соображала, что ответить, Байрон уверенно заявил:

– Да. У Текилы желтые выющиеся волосы. – Подумал и уточнил: – Были.

– Я так и думал! – кивнул Бирс. – «От солнца заслоняясь, сверкая /подмышкой рыжею, в дверях / вдруг встала девочка нагая / с речною лилией в кудрях...» – продекламировав это, он откинулся на спинку дивана и сцепил руки на затылке.

Я растерянно молчала. Закрыв глаза, с легкой улыбкой Бирс читал дальше:

– «...я близко-близко видеть мог, / как дочка мельника

меньшая / шла из воды, вся золотая, / с бородкой мокрой между ног...» – Бирс пошевелил ступнями и мечтательно продолжил: – «...Без принужденья, без усилья, / лишь с медленностью озорной, / она раздвинула, как крылья, / свои колёнки предо мной». С медленностью озорной – это хорошо...

Выждав паузу и поняв, что продолжения не будет, я спросила:

– Вам нравится Набоков?

– Нет, – тут же ответил Бирс. – Не нравится. Так, попалося случайно. У меня гениальная память. Запоминаю все, что когда-либо прочел. Шпионы, дети мои, в большинстве своем весьма трогательные люди. Вашему отцу, Лилечка, наверняка нравился Набоков. Меня же больше интересовал отец писателя. Который, кстати, был убит террористами в Берлине. На лекции Милюкова. Ему было всего 52. Иногда я ненавижу свою память.

– Тогда, по логике, вы тащитесь от Байрона, – вздохнула я.

– В этой личности не стихи меня привлекли, – возразил Бирс. – Не стихи. Мне Байрон близок духовно, – он повернул голову, посмотрел на сына и сильным уверенным движением обхватил его за шею и притянул к себе, прижавшись своим лбом к его.

Растерявшись от такой интимной родственной ласки, я встала и наклонилась к огню, рассматривая его спокойное пламя.

– А вы, Лилечка, дочитайте стихотворение. Очень сове-

тую. Это поможет вам лучше понять мужчину. Его шкалу ценностей.

– Неужели не дала? – тихо заметила я сама себе, не поворачиваясь.

– Что вы сказали?

– Да так, не обращайтесь внимания. Реакция на ваше замечание о шкале ценностей мужчин. Я подумала, что девочка раздвинула ноги, а потом не дала.

– Вы удивительная, – так странно сказал Бирс, что я обернулась.

Байрон и его отец смотрели на меня с... умилением? Удивлением?.. Растерянностью? Одинаково странное выражение на лицах. Ну попала!

– Нет-нет! – Бирс встал и выставил вперед руки, успокаивая меня. – Не бойтесь. Вас никто здесь не обидит непониманием.

– Спасибо, – кивнула я. – А поесть дадут?

* * *

Во всем доме – ни одной книги, ни одной газеты. Единственное печатное издание – расписание электричек на холодильнике. Похоже, папа Бирс панически боится перегрузить свою память. Дом большой. Слишком большой для уюта и чувства защищенности – это же сколько комнат и закоулков нужно обойти на ночь, сколько запоров и окон проверить!

Зато – два камина. Газовый котел в теплой пристройке – наводит на размышление о нанятой услуге, которая зимой охраняет дом, живя в этой пристройке, а к приезду барина топит камины и готовит еду. Еда, кстати, была вполне ничего. Грибной суп-пюре и баранья нога с черносливом. Вылезаю из-под трех одеял и иду к окну. Где же прячется прислуга, которая так хорошо готовит?

Меня устроили спать на втором этаже. Вернее, Байрон отнес меня сюда прямо от стола, за которым я задремала. Оба Бирса остались внизу общаться у камина, то есть в полнейшем молчании играть в шахматы.

Внизу во дворе на небольшой площадке перед деревянной беседкой мужичок в распахнутой телогрейке и вислouxой шапке-ушанке рубит дрова. Вот и прислуга.

Я прошлась по второму этажу, осмотрела фотографии и рисунки на стенах четырех комнат. Попробовала умыться в большой ванной с двумя окнами, но вода из крана не потекла. Спустилась вниз.

Седой Бирс в фартуке стоял у электрической плиты в современно обустроенной кухне. Байрон спал в гостиной на диване под ярким клетчатым пледом. В коридоре в большой плетеной корзине лежали яблоки. Несколько валялось прямо на полу. Ностальгически пахло знакомым духом антоновки. Вспомнились наши с мамой шесть соток и раскрашенный в семь цветов радуги (моя прихоть) летний домик под старыми яблонями. Две комнатки, большая веранда с

кухней, туалет и душ на улице. Там в упавших в траву яблоках валяется сейчас мое детство. Мы с Примавэрой все откладываем, но ехать придется, чтобы до снега успеть сгрести все это в кучу и убрать.

Толкнула в коридоре ближайшую дверь и угадала: ванная комната с унитазом. Открыла краны – вода течет, и холодная, и горячая. Что же так тоскливо-то?..

На пути в гостиную подбираю с пола яблоко и иду к Байрону на диван. Я забралась ногами в ноги Байрона и укрылась краешком пледа, а он даже не проснулся.

Пришел мужичок в ушанке, принес дрова к камину. Выгрузил их громко, потом вдруг снял шапку и поклонился мне. Молча. Надел шапку и ушел. Бирс принес блюдо с оладьями и мед в литровой банке.

– Вы, Лилечка, проспали двадцать часов, я вам завидую.

И тут до меня дошло, что за окном утро, а не послеполуночное время.

Я отказалась от оладий, набрала чайную ложку меда и вылизывала его минут пятнадцать. За это время Байрон проснулся, поцеловал меня в лоб, умылся, пришел к столу и накинулся на оладьи. Пришел мужичок с дровами, выложил их у камина, снял шапку, поклонился, получил от Бирса рюмку водки. Торжественно выпил ее, отказался от маринованного огурца, категорично выставив перед собой ладонь. Надел ушанку и ушел. Бирс на деревянной доске резал розовую ветчину огромным ножом, срезы получались почти про-

зрачными. В ветчину он заворачивал половинку маринованного огурца, а потом все это брал оладышком и заразительно вкусно поедал. Пришел мужичок в ушанке, принес очередную порцию дров, снял шапку, поклонился у стола, получил рюмку водки...

Если закрыть глаза, то обнаруживается минимум звуков при этом завтраке. Хруст соленого огурца, негромкий стук ножа о доску, дров – о пол, булькает из бутылки... Потом мою голову наполнил равномерный гул, как при неглубоком погружении в воду. Я открыла глаза, посмотрела в окно, а там девочка стоит у беседки. Сейчас мне ее хорошо видно – темные волосы, темные глаза, обветренные губы. Мужичок в ушанке что-то сказал ей и показал рукой. Она отошла на несколько шагов, мужичок размахнулся топором.

Я мигом слезла с дивана и бросилась к выходу. Добежала к беседке, а девочки уже нет. Спрашиваю у мужика:

– Где девочка? Только что тут стояла, маленькая, в белом платье?

Он смотрит на мои губы и виновато улыбается. Потом делает такой же жест рукой, приказывая отойти, и поднимает топор.

Вышел Байрон с моей курткой. Захотел надеть ее мне на плечи, но я отбивалась и требовала, чтобы мужичок немедленно сказал, что за девочка только что тут стояла! Куда она пошла? Почему ходит за мной?! Байрон попытался увести меня в дом, я от такой несправедливости заплакала. Опять!

Второй раз за последние два дня. И не просто заплакала, а с истерикой. Размахивала руками, а когда Байрон взял меня на руки, то и ногами. Требовала, чтобы истопник немедленно рассказал о девочке.

На шум вышел Бирс. Байрон унес меня в дом. Я вымыла лицо и вот, судорожно вздыхая, стою у окна и смотрю, как истопник, странно жестикулируя, что-то сердито объясняет Бирсу. Тот его успокаивает. Он уже не улыбается.

– Текила, хочешь выпить? – спрашивает Байрон. – Есть водка и хороший коньяк.

– Хочу знать, почему меня преследует этот ребенок! Почему ее никто не видит, кроме меня!

Байрон подходит и обхватывает меня руками, прижимая к себе.

– Может, у тебя будет девочка?

Вениамин Бирс

К обеду я успокоилась и даже захотела обгрызть оставшийся со вчерашнего обеда большой бараний мосол с остатками мяса. Размеры мосла были устрашающими. Поэтому я попросила отца и сына Бирсов не присутствовать при этом. Устроилась в кухне. Одна. Испытала почти такое же наслаждение, как вчера утром от курицы. Если так пойдет дальше, у меня скоро отрастут клыки, и я начну охотиться за мелкой живностью.

Кофе пили в гостиной с опущенными шторами. Подсветка комнаты – минимальная. Ярче всего горел камин. Каждый раз, когда Бирс натыкался на мое лицо взглядом, он по-прежнему не мог сдержать улыбки. Я расслабилась.

– Лилит, расскажите мне об этой девочке, – попросил он.

Я вздохнула, покосилась на Байрона. Он сосредоточенно макал в свою чашку печенье.

– Лет пять-шесть. Легко одета. Короткие темные волосы. Носочки без резинок – обвисли. Туфли с застежкой. Красные. Грязные пальцы. Как будто она ковырялась в земле.

– Как бы вы ее назвали? Какое у нее имя?

– Ясно какое. Марина. Марина Яловега. Она же впервые появилась рядом с могилой Яловеги.

– А что вы делали на этой могиле?

– Ничего. Ее могила находится рядом с могилой моего от-

ца. Дата смерти одна.

– То есть эта Марина...

– Отец! – предостерегающе сказал Байрон. – Не надо.

– Что значит – не надо? – взвилась я. – Вы оба знаете, кто эта девочка, и не собираетесь мне говорить?

– Ничего мы не знаем! – с досадой сказал Байрон. – Просто мой отец...

– Твой отец ее знает?

– Да нет же! – Байрон встал и прошелся в волнении. –

Он... Как это сказать...

– Мой сын думает, что я обладаю вполне приличными задатками гипнотизера.

– А вы обладаете? – шепотом спросила я.

– А вы, Лилечка, как узнали код сейфа в кабинете директора агентства недвижимости «Трайден»?

Я опешила и возмущенно посмотрела на Байрона. Пункт первый нашего договора! Полная секретность!

– Это единственный эпизод, о котором я рассказал отцу, – сразу же повинился Байрон. – Потому что влезть в сейф – это уголовное дело, а он спросил...

– А я спросил, – подхватил Бирс, – не занимаетесь ли вы уголовщиной. Конкретно спросил о проникновениях в чужие жилища или сейфы и кражи оттуда каких-либо предметов. Для меня это важно. Если ваша парочка сознательно нарушает уголовный кодекс – это другие взятки и другие адвокаты. Я должен знать. Судя по тому инциденту, ты открыла

сейф, достала жесткий диск компьютера, вставила его в имеющийся ноутбук, поработала и вернула обратно. Кражи как таковой не было. В смысле конкретного предмета.

Он обратился ко мне на «ты». Нервничает? С кем связался его сыночек!..

– Не было кражи материальной, было похищение информации с электронного носителя, – подтвердил Байрон. – Спорный вопрос в плане уголовного кодекса, особенно учитывая обстоятельства. Этот человек сам оставил Текилу в кабинете. Дежурной на факсе. Я обалдел, когда Текила передала, что компьютер пустой. Никогда бы не подумал о сейфе.

Бирс смотрел на меня выжидающе.

Развожу руками:

– Я не могу объяснить, почему стала искать код сейфа в пакете с женскими прокладками. Это было в ее столе вместе с косметикой и початой коробкой конфет. – Я вспомнила, как тогда пыталась анализировать: в принципе, конечно... если женщина каждый день после работы вынимает жесткий диск и прячет его в сейф – это уже паранойя, значит, и код сейфа она меняет часто, соответственно, где-то должна быть запись...

Бирс вроде даже обрадовался:

– Вот и я не могу объяснить, как получаю нужную информацию, просто разговаривая с человеком про жизнь.

– Неправда, – покачала я головой, – вас этому должны были обучать!

– Тебя тоже обучают в школе химии, и что?.. – ехидно прищурился он.

– Я не говорил! – мгновенно отреагировал на мое выражение лица Бирс-младший. – Я только сказал, что меня забрали федералы у твоей школы, а тебя вообще с урока химии! И все.

– Для меня – достаточно. Гипноз здесь ни при чем, – заметил Бирс. – Люди по-разному наблюдают жизнь. Кто-то просто хочет понять, а кто-то использовать увиденное. Хотите узнать о девочке, которая вам мерещится? Не хотите просто наблюдать, да? Хотите правду и немедленно.

– Какую еще правду? – немного струхнула я.

– Вот правильный вопрос, – кивнул Бирс. – Люди думают, что правда – достоверная информация. Это не факт. Правда – вообще понятие условное. Для каждого свое. Знаете, какой девиз написан в штаб-квартире ЦРУ? – он посмотрел на нас по очереди, в моем лице опять нашел что-то забавное и улыбнулся. – «Ты узнаешь истину, и она сделает тебя свободным». Ни больше и ни меньше. Свобода...

– Вы работали на ЦРУ? – спросила я.

– Ребята!.. – снисходительно попросил Бирс. – Не делайте из меня *шпиёна*. Я всего лишь научный сотрудник, передавший информацию о секретной разработке. Исключительно из чувства вины перед человечеством. Через десять лет эта разработка утратила секретность и для спецслужб потеряла всякий интерес.

Байрон тихонько кашлянул.

– Не надо подавать своей подружке знаки, – погрозил пальцем Бирс. – Что такое? Ты знаешь обо мне больше, чем я думаю? Что ты рассказал Лилии? – он посмотрел на сына, потом обхватил ладонью его шею и притянул к себе.

Я видела, что Байрон сопротивляется – его лицо покраснело. Я поспешила на помощь, пока они не начали бодаться лбами – чей крепче.

– Это я нашла вырезки из американских газет десятилетней давности с упоминанием вашего имени и показала Байрону.

– Ах, вот что!.. – отец отпустил голову сына и вздохнул явно с облегчением. – Почему мой сын называет тебя Текилой?

– Это кличка собаки, – я удивленно посмотрела на Байрона. – Разве не вы подарили ему щенка в пять лет и сказали, что она Текила?

– Даже так?.. – Бирс впервые отвел глаза. – Я как-то не думал, что мой сын потом назовет собачьей кличкой любимую девушку.

Я посмотрела на Байрона.

– Это было родное существо, когда она умерла, я заболел! – возмутился Байрон.

– Понимаете, когда мы встретились первый раз, я еще не была любимой девушкой и очень ценю, что через пять минут разговора Байрон сказал, что я «настоящая Текила». Я не

знала этого слова, для меня оно стало синонимом счастья. Я в него сразу влюбилась, а Байрон пока еще не решил.

– Вот этого не надо! – попросил Байрон.

Я легко согласилась:

– Ладно, сменим тему. Когда я вижу ту девочку, у меня вот тут становится горячо и подсасывает, – я показала себе под ребра. – Поэтому я хочу точно знать. Не хочу просто наблюдать.

– Понимаю, – серьезно кивнул Бирс. – Давайте проанализируем, что мы имеем. Впервые ты ее увидела, когда она стояла у могил твоего отца и женщины по имени Марина Яловега. Можешь сказать, какое имя написано на могиле отца?

– Марк Яловский. Без отчества. Женское имя на соседнем памятнике тоже без отчества.

– Хорошо, – кивнул Бирс, – я запомню. Ты предположила, естественно, что девочка имеет отношение к могиле женщины. А что, если это блуждающий призрак?

– Как? – опешила я.

– Просто призрак, который бродит за тобой. Появляется в тех местах, куда приходишь ты.

Я внимательно посмотрела в лицо Бирса. Ни намек на ухмылку. Я поверила, что ему интересно.

– У вашего сына тоже есть теория на эту тему. Что я беременна девочкой, поэтому она зачем-то является мне уже в пятилетнем возрасте. Но я уверена, что это не так, причина в другом.

Байрон встал, провел обеими пятернями по волосам от лба назад – он так делает, когда волнуется, – и быстро вышел из гостиной. Я покосилась на Бирса. Он смотрел вслед сыну с застывшим лицом.

– Что?.. – спросила я.

Бирс взглянул на меня и виновато улыбнулся. Я поняла.

– Он вам ничего не сказал!.. Какая же я дура! – я забежала по комнате, больше всего мне в этот момент хотелось спрятаться под диван.

Бросилась на пол. Узковато. Под диван с ходу не пролезть, поэтому я вскочила, забралась с ногами в кресло, укрылась с головой пледом и замерла. И тут услышала шепот:

– Текила, ты меня слышишь?

Я сдернула плед с головы. Перед креслом присел Бирс. Стало страшно. Он приложил палец к губам, приказывая мне молчать, и сказал шепотом:

– Мой сын растерян. Нехватка мужского воспитания. Он бы обязательно сказал о ребенке, он для этого тебя и привез. Ты умная. В следующий раз будь внимательней. И еще. У тебя будет мальчик. Даю установку на мальчика!.. Никаких девочек!.. – Бирс протянул руку и ткнул меня указательным пальцем в лоб.

Голова моя откинулась назад, и стало темно.

Я задохнулась от нашатыря и открыла глаза. Слишком яркий свет – все лампы в гостиной включены. Надо мной нависали два лица с испуганными глазами и почему-то открытыми как после неожиданного фокуса ртами.

– Я же просто пошутил, – прошептал Бирс.

– Что ты ей сказал?! – сердито шипел Байрон.

– Сказал, что больше никаких девочек, у вас родится мальчик, а она вдруг...

– Почему вы шепчетесь, – я села поудобней и отвела руку Байрона с пузырьком. – Вы оба придурки! Погасите люстру, меня тошнит от люстр с висялками... Меня вообще... Тошнит!

Я едва успела добежать до унитаза. Сидя потом на полу у раковины, вдруг подумала, что совсем не знаю Байрона.

В дверь постучали.

– Отстаньте от меня!

– Текила, – сказал Байрон, – тебя ищет милиция.

Выхожу в коридор и беру трубку телефона. Сначала ничего не понимаю – мужской голос просит подтвердить, что я Лилит Бондарь, и назвать свой домашний адрес. Подтверждаю, называю. Оказывается, меня ищет мама. Ей сейчас передадут трубку.

Все дело в том, что мой мобильный оказался отключен, а сегодня понедельник. Я совсем забыла, что пока спала двадцать часов, воскресенье прошло, а в понедельник нормальная жизнь нормальной девочки моего возраста состоит из завтрака, школы и потом приготовления уроков, правда, беременные девочки – моего возраста! – для разнообразия могут посетить гинеколога или психиатра.

– Как ты узнала этот телефон? – спросила я Примаверу.

– У твоей будущей свекрови. Ты в порядке?

– Нет, – я покосилась на Бирса, – отец Байрона ткнул меня пальцем в третий глаз, и я потеряла сознание, а теперь блюю.

– Приехать за тобой?

– Оставьте меня в покое! Ничего не хочу! Забудьте обо мне! – меня так разобрало, что я размахнулась трубкой, собираясь разбить ее о тумбочку.

Байрон трубку отобрал и стал в нее извиняться, что недосмотрел, не позвонил, не предупредил... А Бирс отвел меня в гостиную, посадил в кресло и накрыл с головой пледом.

– Все, – сказал он строго, – ты в домике. Чик-чик! Замок закрыт. Никто не попадет к тебе в домик, пока сама не захочешь.

И стало тихо.

Лизавета

Я не видела девочку почти два месяца. То ли Бирс так удачно ткнул меня пальцем в лоб, то ли из-за всяких других забот, но я ее не видела и почти совсем забыла. За это время я поверила в гипнотические способности Бирса. В декабре пошла в консультацию, а девочка сидит в коридоре у кабинета врача и ножками болтает. Те же носочки, обветренные губы, спокойный взгляд. Я села напротив и стала смотреть на нее, не отрываясь. Девочка показала мне язык. Покосившись по сторонам – никто не смотрит, – я тоже показала язык. Девочка сложила перед собой ладошки домиком.

– Где? – спросила я.

Девочка махнула рукой на окно.

– Когда? – у меня сердце замерло, пропустив удар.

– *Скоро*, – сказала девочка, картавя, и вылезла из кресла.

Она прошла совсем рядом, так близко, что я разглядела заусенцы на ее испачканных пальцах. Она остановилась поодаль и смотрит задумчиво. Насколько девочка реальна, вот в чем вопрос. По крайней мере, она кажется совсем настоящей, не просвечивает насквозь, как полагается призракам. Но она в том же платье и с голыми коленками! Мои нервы сдали.

– Чей ребенок?! – крикнула я, вскочив. – Ей же холодно! Уже зима.

Несколько женщин осмотрелись и уставились на меня с беспокойством.

– Чья девочка?.. – я показала рукой на ребенка. Рука тряслась.

Женщины стали переглядываться. Ладно, осталось последнее средство.

Я пошла к девочке с твердым намерением ее потрогать. Один шаг, второй... как тяжело двигаться!.. Я была на расстоянии вытянутой руки, когда сидящая в коридоре женщина схватила меня за эту самую руку.

– Не стоит этого делать, – тихо сказала она, таща меня за руку вниз, чтобы я села. – Они не любят выяснений и прикосновений. Может быть больно.

– Они?.. – я сажусь рядом в полном ступоре.

– Ну да. Мертвые.

– Вы видите девочку?

– Конечно, вижу, иначе зачем мне тебя останавливать.

Разглядываю ее лицо вблизи. Женщина худая, бледная, с синяками под глазами, с тонким носом с изящными ноздрями, грустным ртом и большими глазами, на раскраску которых она не пожалела косметики.

– Они делают больно? – я покосилась на застывшую девочку.

– Только если их трогать. Тебе покажется, что ты прикоснулась к чему-то живому, а потом рука оказывается в пустоте, и ты падаешь. Очень больно получается, как от сильного

толчка, – женщина задрала рукав кофточки и показала кровоподтек на локте. – В твоём положении нельзя расшибаться. Я всегда падаю с последствиями, синяки – это ерунда. Два раза были переломы, и даже подозрение на трещину тазобедренного сустава. – Она серьезно и грустно покивала головой.

– Вы... видите только эту девочку или еще... других?

Женщина осмотрелась.

– Здесь только ребенок. А дома у меня ходит муж. Он даже ест. И потом выводит из себя отходы жизнедеятельности.

– Выводит?..

– Ходит в туалет, пользуется унитазом. Это очень странно. Какой срок? – вдруг сменила тему женщина, я не сразу ее поняла.

Она кивнула на мой живот.

– Пятнадцать недель, или около того, – я пожала плечами. – У меня нерегулярные месячные... были.

Женщина порылась в сумочке, достала блокнот и кивнула:

– Сто восемнадцать дней. Это семнадцать недель без одного дня. Лучше знать точное количество дней. Врачи иногда ошибаются со сроками, а ты должна знать все точно до одного дня.

– Это вы... обо мне? – я не сразу сообразила, о чем она говорит. – Сто восемнадцать дней? Откуда...

– Я все посчитала. Сентябрь-октябрь-декабрь, плюс сем-

надцать дней в августе, сегодня у нас какое?..

– Подождите, как вы могли меня... просчитать?

– Я точно знаю, когда вы с Байроном это сделали.

– А вы кто?.. – в полном обалдении шепотом спросила я.

– Ах да, извини. Я иногда веду себя странно. Пока шла сюда, все твердила, что первым делом должна подойти к тебе и познакомиться. А тут этот ребенок, и ты пошла к нему... Лизавета, – женщина протянула мне руку. – Я мама Байрона. Я специально пришла, чтобы познакомиться с тобой. Зови меня Лизаветой и на «ты».

Я в тоске посмотрела на дверь кабинета. Почему меня не вызывают? Куда бы сбежать и спрятаться?! И девочка пропала, а я не заметила – когда, хотя решила не сводить с нее глаз. Отвлеклась. Смотрю на женщину в упор и чувствую, как на глаза наплывают линзы слез. Вот чем мне ненавистно мое беременное положение, так это почти не проходящей плаксивостью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.